

Лань Цзыцзюнь привёл Цзянь Цзяня в комнату, но тело юноши всё ещё сотрясала крупная дрожь.

Прикосновение к чужому лбу лишь усилило судороги. Лань Цзыцзюнь нахмурился.

— Не знаю, что тебе довелось пережить в мире живых, — тихо проговорил он, — но не бойся. Скоро всё пройдёт.

Достав из широкого рукава флейту из фиолетового бамбука, Лань Цзыцзюнь заиграл ту самую мелодию, что звучала тогда в тайной комнате. Вскоре Цзянь Цзянь успокоился и погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Хуа Тянь пришёл на звуки флейты и на мгновение замер у порога.

«Эту мелодию я когда-то в детстве наигрывал просто так, от скуки... Откуда Лань Цзыцзюнь её знает?»

Едва стих последний аккорд, Хуа Тянь неторопливо переступил порог.

Появление спутника оказалось столь внезапным, что Лань Цзыцзюнь едва успел спрятать инструмент обратно в рукав. На его лице промелькнуло замешательство, словно его поймали на чём-то постыдном.

Хуа Тянь заметил это секундное смятение. Он прекрасно понял, что Цзыцзюнь прячет именно ту флейту из фиолетового бамбука, которую явил ему в прошлый раз. Всего лишь музыкальный инструмент, но почему тот придаёт ему такое значение?

Решив не выдавать своего любопытства, Хуа Тянь перевёл взгляд на спящего.

— Брат Цзыцзюнь, как он?

Лань Цзыцзюнь, повернувшись спиной, сделал вид, что занят осмотром больного.

— Всё в порядке, кризис миновал.

— Ну и славно, — Хуа Тянь взглянул на исхудавшее, осунувшееся лицо Цзянь Цзяня, чьё безумие едва утихало во сне. — И всё же, что с ним стряслось? Какая болезнь его гложет?

— Об этом позже. Сперва займёмся делом, — Лань Цзыцзюнь, похоже, уже продумал план действий. — Мне удалось кое-что выяснить. Недавно одно живое непостоянство докладывало, что отправилось за душой в Юйяо, но вернулось ни с чем. Полагаю, именно там кроются

истоки нашей загадки.

— Юйяо... — Хуа Тянь на мгновение задумался. — Тот самый торговый город в сотне ли от Чаогэ?

— Именно. Подобного процветающего места в поднебесной больше не сыскать.

Чаогэ служил столицей земной династии Сюй. Расположенный в ста ли от него Юйяо славился богатством и оживлённой торговлей. Слава этого места гремела так широко, что о нём знал даже такой безвестный обыватель из глуши, как Хуа Тянь. При жизни он частенько хвастался перед соседями, заявляя, что не заслуживает звания человека тот, кто не вкусил всех прелестей юйяоской роскоши.

Что ж, глупая клятва сбылась буквально: хвастун и впрямь умудрился расстаться с жизнью, так и не добравшись до заветных мест.

— В таких крупных центрах вечно толпится народ — идеальное место для тех, кто охотится за душами. Наверняка там всё и происходит. Ну что, наведаемся туда?

При одной мысли о скорой поездке Хуа Тянь загорелся нетерпением. Раз уж при жизни не довелось поглядеть на великий город, судьба даровала ему шанс наверстать упущенное после смерти. Он так и чесал руки, готовый сорваться с места хоть сию секунду.

— Не торопись, — Лань Цзыцзюнь умерил его пыл жестом. — Пусть остальные тоже соберутся.

— Остальные? — удивился Хуа Тянь.

— Ты, я, Чжун Ли и он, — Цзыцзюнь указал на спящего юношу.

— Брат Цзыцзюнь, ты шутишь? — Хуа Тянь скептически оглядел измождённого Цзянь Цзяня. — Наш проводник еле дышит, куда ему в дорогу? Да и какой от него прок?

— Ты ведь хотел помочь ему узнать правду? Его истинное тело находится именно в Юйяо, — эти слова Лань Цзыцзюня прозвучали как гром среди ясного неба.

Хуа Тянь заколебался, взвешивая опасность путешествия для неокрепшего духа и возможность раскрыть тайну его происхождения. Наконец он решился:

— Хорошо. Берём его с собой. Но Чжун Ли незачем ввязываться, — добавил он, помня о кротком и исполнительном нраве судьи ада. — Пусть лучше присмотрит за Подземным царством.

— Нет, Чжун Ли пойдёт с нами, — отрезал Лань Цзыцзюнь. — Позже ты сам поймёшь, насколько он полезен.

«Вечно он напускает туману... Какая ещё польза может быть от простого судьи ада?»

Хуа Тянь раздражал не сам Чжун Ли, а манера Цзыцзюня недоговаривать, постоянно разжигая чужое любопытство.

— Что ж, договорились, — примирительно улыбнулся Хуа Тянь. — Пойду соберу вещи. Выходим завтра на рассвете.

По крайней мере, вчетвером им не придётся уныло пялиться друг на друга всю дорогу.

Поздним вечером Чжун Ли тайно навестил Лань Цзыцзюня. Поскольку его физическая оболочка покоилась в подземном царстве, для возвращения в мир живых требовалось сжечь амулет возвращения души — лишь тогда дух мог вновь слиться с плотью. Цзянь Цзяню же подобные ухищрения не требовались: он совершал переходы в Подземное царство, будучи живым, и мог беспрепятственно путешествовать под солнцем.

На следующее утро Хуа Тянь одним из первых спустился в главный зал, где столкнулся с уже готовым к выходу Чжун Ли. Заметив за его спиной внушительный, туго набитый мешок, Хуа Тянь с любопытством обошёл спутника кругом.

— Чжун Ли, что это за ноша у тебя?

Стоило Хуа Тяню протянуть руку к завязкам, как судья ада испуганно отпрянул в сторону.

— Господин Хуа, умоляю, не трогайте!

— Подумаешь, какая невидаль, — фыркнул тот и, ловко извернувшись, всё же ухитрился ощупать мешок. Под плотной тканью угадывались очертания нескольких твёрдых, словно кованое железо, предметов.

Чжун Ли отчаянно уворачивался, но настырный спутник не унимался. С утренней сонной дремотой было покончено: двое взрослых мужчин устроили в зале форменную беготню, напоминая детей, играющих в салки.

Появившийся в дверях Лань Цзыцзюнь в сопровождении безмолвного Цзянь Цзяня застал эту картину и сухо обронил:

— Дай ему потрогать, Чжун Ли. Посмотрим, как быстро он распрощается со своей новообретённой жизнью.

Услышав столь грозное предупреждение, Хуа Тянь тут же отдернул руки и отступил на шаг.

— Ох... Ну ладно, не больно-то и хотелось.

Чжун Ли переглянулся с Лань Цзыцзюнем, и по их лицам скользнули едва заметные улыбки.

Решив держаться от греха подальше, Хуа Тянь перебрался поближе к тихому Цзянь Цзяню — здесь уж точно ничего не угрожало его покою. Заметив на лице юноши всё те же белила и густые румяна, Хуа Тянь велел ему пойти умыться. Однако тот упёрся и затянул привычную песню, едва не падая на колени: пока он несёт службу живого непостоянства, грим смывать нельзя ни в коем случае.

Делать нечего. Вздохнув, Хуа Тянь велел раздобыть плотную ткань и соорудить для упряма маску — иначе на улицах их пёстрая компания мгновенно привлекла бы ненужное внимание зевак.

Закончив с приготовлениями, путники двинулись в путь и вскоре достигли окраин Юйяо.

Юйяо

— Разве в таком весёлом месте может скрываться Подземное царство? — Хуа Тянь вертел головой, словно деревенский простак на ярмарке. Глаза разбегались от пестроты лавок, вывесок и гомона толпы. Он то и дело порывался подбежать к очередному лотку с диковинами.

Остальным троим приходилось несладко: опасаясь потерять неугомонного приятеля в толчее, они спешили следом. После нескольких крутых поворотов и незнакомых переулков отряд безнадежно заблудился посреди бурлящего людского моря.

Лань Цзыцзюнь наконец мёртвой хваткой вцепился в плечо неугомонного спутника и заставил всех остановиться.

— Да угомонись ты, чёрт тебя дери! — в сердцах бросил он. — Из-за твоих метаний мы окончательно сбились с пути!

— Брат Цзыцзюнь, не ворчи, — беспечно отмахнулся Хуа Тянь. — Я всю жизнь провёл на улицах, так что не пропадём. Давай сначала осмотримся, а дела подождут. — Он подмигнул притихшим спутникам. — Эй, чего приуныли? Чего бы вам хотелось отведать? Наш благодетель Лань сегодня угощает!

— Мне бы пирожных с финиками... — тихо подал голос Цзянь Цзянь.

— А я бы не отказался от мясных лепёшек, — подхватил Чжун Ли.

Прежде чем Лань Цзыцзюнь успел вставить хоть слово, троица с поразительной прытью рассредоточилась по ближайшим лавкам. Вернулись они с полными руками лакомств, предоставив Хуа Тяню право выбивать монеты из кошелька их предводителя. Лишь когда лицо Цзыцзюня приобрело отчётливый грозовой оттенок, обжоры благоразумно умили аппетиты и предложили завернуть в ближайшую чайную.

— Ох, молодой господин, до чего же вы хороши собой! Заходите к нам, для такого красавца сделаем лучшую скидку! — раздался зазывный девичий смех.

Выбранная ими чайная оказалась весьма изысканной, однако соседство с Красным теремом изрядно портило благородный вид. У порога весело щебетали набеленные девицы, зазывая прохожих. Стоило компании приблизиться, как пестро разодетые кокетки тут же окружили мужчин, наперебой рассыпаясь в любезностях.

Лань Цзыцзюнь брезгливо передёрнул плечами и вознамерился обойти их стороной, но Хуа Тянь крепко удержал его за локоть.

— Ну же, брат Цзыцзюнь, не будь занудой! Гляди, какие прелестницы, давай поболтаем немного.

Цзыцзюнь едва сдержал желание съездить нагледу по уху. С силой вырвав руку, он стремительно скрылся в чайной. Смущённые Чжун Ли и Цзянь Цзянь, совершенно не знавшие, как вести себя с весёлыми девицами, поспешили укрыться следом за ним.

Хуа Тянь же чувствовал себя в своей тарелке. Он так увлечённо рассыпался в шутках, что барышни заливались весёлым смехом, который долетал даже до суровых посетителей чайной.

Лишь спустя добрую четверть часа он наконец соизволил зайти внутрь, застав Чжун Ли за глубокомысленными рассуждениями.

— Да, истинно говорят: у большой воды всегда рождаются великие города. Этот Юйяо по-настоящему прекрасен, — покачал головой судья ада. Даже его, повидавшего на своём веку немало царств и эпох, поражала скорость, с которой смертные отстраивали свои поселения, подчиняя себе саму природу.

— Ну, до Небесного дворца здешним улочкам всё равно далеко, — вальяжно заметил Хуа Тянь, опускаясь на стул. Поймав заинтересованные взгляды Чжун Ли и Цзянь Цзяня, он тут же принялся в красках расписывать убранство Небесного дворца. Его рассказ изобиловал столь живыми деталями, что оба слушателя невольно затаили дыхание.

Пока рассказчик вдохновенно привирал, Лань Цзыцзюнь с ядовитой ухмылкой то и дело

разбивал его фантазии в пух и прах. Под конец бедный Чжун Ли совсем запутался. Спор зашёл в тупик, когда Хуа Тянь и его суровый критик едва не вцепились друг другу в глотки, выясняя, какое именно вино предпочитает Нефритовый император — персиковое или бамбуковое. Всё закончилось классическим: «Да какого чёрта, лучше один раз самому увидеть, чем слушать твои бредни!»

Судья, не отличавшийся красноречием, в этой словесной баталии оказался без вины виноватым и поспешил замолчать, чтобы не огрести от обоих.

Один лишь Цзянь Цзянь сидел в стороне от общего веселья. Лишённый прежней детской беззаботности, он неотрывно всматривался в окно, подперев подбородок рукой. С его лица исчезла даже тень улыбки.

— Сяо Цзяньцзянь, о чём задумался? — заметив перемену в его настроении, тихо спросил Хуа Тянь.

Юноша заставил себя слабо улыбнуться:

— Слышите? Там, на улице... Какая красивая музыка.

Слова спутника заставили всех прислушаться. И действительно, сквозь ярмарочный гул пробивалась чистая, глубокая мелодия флейты, способная затронуть самые потаённые струны души.

Звуки были столь искусными и тоскливыми, что у знатоков музыки внутри всё перевернулось от предвкушения. Упустить встречу с таким искусным мастером было бы преступлением.

Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь переглянулись — слова были излишни. Оба мгновенно загорелись желанием отыскать исполнителя. Чжун Ли лишь пожал плечами, а Цзянь Цзянь послушно последовал за ними. Ориентируясь по звуку, компания вскоре вышла к речной пристани.

На носу качающейся у причала лодки стоял высокий мужчина в угольно-чёрных одеяниях. Невзирая на гомон порта и суету рыбаков, он играл, полностью погрузившись в музыку. Незнакомцу на вид едва ли можно было дать больше тридцати, однако глубокие, словно высеченные клинком морщины меж бровей и тронутые сединой виски выдавали человека, пережившего немало невзгод. Эта печать увядания удивительно гармонировала со щемящей грустью мелодии.

Казалось, подойди они чуть ближе — и эта тоска захлестнёт их с головой, разрывая сердца в клочья.

Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь, тонко чувствовавшие гармонию звуков, помрачнели, проникшись чужой печалью. Цзянь Цзянь стоял как заворожённый, не в силах шевельнуться. И лишь Чжун

Ли, откровенно скучая, сладко зевнул и облизал губы, всё ещё со вкусом вспоминая сочные паровые булочки.

— Мелодия невероятно сложная. Немногие музыканты в поднебесной способны выдать такую глубину, — искренне восхитился Хуа Тянь.

— Достойная игра, — нехотя признал даже взыскательный Лань Цзыцзюнь.

Неподалёку чистил сеть молодой рыбак. Всё то время, пока приезжие господа восторженно внимали музыке, он с ухмылкой наблюдал за ними. Услышав их похвалы, парень не выдержал и громко фыркнул.

Хуа Тянь недовольно повернулся к нему:

— Чего зубы скалишь, приятель?

— Да смешно смотреть, как вы перед умалишённым распинаетесь. Вы, кажись, ещё безумнее него будете, — хохотнул тот.

Такого оскорбления в адрес прекрасного музыканта Хуа Тянь снести не мог. Схватив наглеца за шиворот, он притянул его к себе:

— Кого это ты сейчас безумцем назвал, а? А ну повтори!

Оценив численное преимущество чужаков, парень тут же растерял весь свой задор и примирительно замахал руками:

— Господин, да я же не со зла! Вы зря не верите. Этот человек торчит на пристани целыми днями и свистит в свою дудку. Спросите любого в Юйяо — вам подтвердят, что он круглый дурак.

— И в чём же выражается его сумасшествие? — не унимался Хуа Тянь, продолжая крепко держать бедолагу.

— Ой, пощадите, господин, век молиться за вас буду! — взмолился рыбак.

Воспользовавшись тем, что хватка на воротнике немного ослабла, он ловко вывернулся, прыгнул в свою лодку и схватился за вёсла.

— То-то же! Знай наших! — крикнул ему вслед Хуа Тянь. Но лодка уже стремительно отчаливала от берега. Поняв, что упускает рассказчика, он бросился вдоль пристани. — Эй!

Куда намылился? А ну вернись и договори!

Лань Цзыцзюнь бесцеремонно сгреб его за шиворот и вернул на место.

— Прекрати устраивать балаган. Тебе до всего есть дело, кроме нашего расследования. Остынь уже.

— Не беспокойся, — задорно подмигнул Хуа Тянь, оправляя помятые одежды. — У меня уже есть отличная зацепка.

Цзыцзюнь окинул его полным сомнения взглядом, но Хуа Тянь лишь самоуверенно закивал. Озадаченным спутникам ничего не оставалось, кроме как последовать за своим непредсказуемым предводителем навстречу этой самой зацепке.

<http://bllate.org/book/18412/1796469>